

О понятии «федерализм» в социально-политических теориях М. А. Бакунина*

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета
Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), наряду с Пьером-Жозефом Прудоном (1809–1865), является одним из основателей международного анархизма и теоретиком федерализма, придавшим последнему своеобразное значение социального устройства, альтернативного государственному. В статье прослеживаются изменения содержания понятия «федерализм» в работах Бакунина с конца 1840-х и вплоть до последних лет его жизни. В соответствии с устоявшимся толкованием идейной эволюции Бакунина фиксируется принципиальная смена теоретических взглядов, приходящаяся на вторую половину 1860-х годов: если в первые годы участия Бакунина в радикальном и революционном европейском движении ему свойственно тяготение к крайним взглядам и к непосредственному действию, то до середины 1860-х теоретически он остается в достаточно широких концептуальных рамках европейского радикализма, понимания федерализма как принципа самоуправления и формы государственного устройства, образцами которой выступают США и Швейцарский союз. Однако к концу 1860-х Бакунин приходит к принципиально новому пониманию государства, ограничивая его (специально не оговаривая) современными рамками и практически отождествляя с бюрократическим аппаратом, фиксируя, что любая форма государства является формой господства, производства и воспроизводства неравенства. Бакунин делает вывод о принципиальной несовместимости понятий «свобода» и «государство» и о необходимости для достижения первой уничтожения последнего. «Федерализм» теперь выступает как противоположность государства, уничтожение государственного аппарата как системы господства и как политическая форма социализма, анархическое сообщество. Однако на следующем этапе отвержение власти приводит Бакунина к теоретически до конца оставшемуся неотрефлексированным разделению «власти» на власть официальную, оформленную и власть неоформленную, где избегание «официального права» призвано сохранить свободу того, над кем осуществляется данная власть.

Ключевые слова: анархизм, власть, панславизм, политическая власть, федерализм, М. А. Бакунин

«Федерализм» — одно из наиболее популярных слов в политическом языке XIX века. Предсказуемым образом оно оказывается и одним из наиболее многозначных, которое используется и для обозначения существующей формы государ-

© Кильдюшов О. В., перевод, 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)».

ственного устройства, и для указания на некий желательный идеал, местный или универсальный. При этом отношение к данному идеалу не совпадает с политической идеологией — «федерализм» одинаково выступает и как предмет стремлений для консерваторов и радикалов, и как то, чего следует всячески избегать и преобразованию которого надлежит всячески противодействовать.

Обращаясь к отечественным общественно-политическим спорам, для начала можно зафиксировать предсказуемое частичное наложение позиций по отношению к «федерализму»/«унитаризму» на позиции по линии разграничения «автономия»/«централизация» (см.: Чичерин, 1862; Драгоманов, 1883; о федералистских теориях среди украинофилов: Ескельчик, 2010: 131–176). Тем не менее и в отечественных, и в западноевропейских дебатах противопоставление «автономия»/«централизация» ближе к логике противостояния консерваторов и реформаторов/радикалов, когда первые находятся в ситуации обороны — поскольку защита «автономии» близка к отстаиванию существующих особых прав (привилегий), законодательных изъятий, особых статусов территорий, в то время как «централизация» оказывается созвучна «унификации», образованию единого политического тела, как это можно видеть уже из обсуждения конституции 1792 г. в Национальном собрании (см. краткий обзор: Нольде, 1911: 227–238). Федерализм, в европейском контексте впервые ярко заявленный в спорах об устройстве Франции жирондистами (и мифологизированный Ламартином, 2013 [1847]), в 1840-е годы превратился в широкую позицию, разделяемую представителями самых разных взглядов — как некая альтернатива существующим европейским формам государственного устройства, принцип свободной организации сообществ. Так, например, в начале 1860-х о «федеративном начале» в истории Древней Руси писал Н. И. Костомаров (Костомаров, 1861), а А. И. Герцен в 1859 г. в «Колоколе» (№ 34), говоря о будущем славянских народов, утверждал: «Вот потому-то я так высоко ценю федерализм. Федеральные части связаны общим делом и никто никому не принадлежит, ни Женева Берну, ни Берн Женеве» (Герцен, 1958: 22).

Если общий контекст федералистских идей чрезвычайно широк, то генеалогия взглядов Бакунина (1814–1876) на федерализм весьма конкретна. Впервые в поле его зрения данная проблематика целенаправленно попадает в середине 1840-х годов, когда он сближается с польской эмиграцией и стремится, с одной стороны, принять участие в «прямой деятельности», настойчиво повторяя тезис о недостаточности, исчерпанности чистого теоретизма, а с другой — взаимодействовать с польскими организациями и деятелями как представитель русского революционного движения (позиция, по крайней мере потенциально дающая ему возможность быть «на равных»). Подобное взаимодействие он представляет в виде общего славянского действия: сблизившись с И. Лелевелем, Бакунин оказывается близок к его взглядам, но говорить о значительном влиянии в данном случае не обязательно, поскольку подобное сближение представлялось наиболее

логичным — в отличие от многих других польских групп¹. Объединение польской эмиграции (Zjednoczenie Emigracji Polskiej), организация, созданная Лелевелем, была ориентирована на широкое демократическое движение славянских народов. О славянской федерации на основе «гминовладства» Лелевель высказывался уже с начала 1830-х, а в феврале 1848 г., в Брюсселе на митинге памяти Ш. Конарского, обращаясь к Бакунину, говорил о необходимости «федерации, или унии, или конфедерации, или соединенных штатов», долженствующих представлять из себя «искреннее братство, самую сильную опору демократии, которая защитит славян от всякой внешней опасности, соединит с народами румынским, немецким, венгерским, так как эти народы имеют одного и того же врага» (цит. по: Борисёнок, 2001: 100).

Но если федерализм присутствует в поле зрения Бакунина с середины 1840-х, то вплоть до 1848 г. он ведет речь преимущественно о союзе между Польшей и Россией, о возможности и необходимости общего революционного действия и т. п., как, например, в известной речи, произнесенной им в Париже на банкете 29 ноября 1847 г. в годовщину польского восстания 1847 г. Говоря от имени «нового общества... настоящей нации русской», Бакунин призывал к «революционному союзу между Польшей и Россией» (Бакунин, 1896: 361), заявляя:

«Я не уполномочен формально говорить вам так; но без малейшей суетной претензии я чувствую, что в эту торжественную минуту моими устами говорит вам сама нация русская. <...>

Прикованные друг к другу судьбою фатальною, неизбежною, долгою и драматическою историей, которой печальные последствия мы теперь терпим, наши страны долго взаимно ненавидели одна другую. Но час примирения пробил: пора уже нашим разногласиям окончиться. <...>

Пока мы оставались разделенными, мы взаимно парализовали друг друга. Ничто не сможет противиться нашему общему действию.

Примирение России и Польши — дело огромное и достойное того, чтоб ему отдаться всецело. Это увольнение 60-ти миллионов душ, это освобождение всех славянских народов, которые стонут под игом иностранным, это, наконец, падение деспотизма в Европе» (Бакунин, 1896: 362–363).

Примирение России и Польши, как видно из последней процитированной фразы, сразу же переводится Бакуниным в общеславянскую перспективу. В «Воззвании русского патриота к славянским народам» (1848) он писал:

1. Например, от «аристократической» группировки, объединившейся вокруг кн. Адама Чарторыйского, (так называемого «отеля Ламбер»), ориентированной в первую очередь на дипломатическое действие и мыслившей в рамках восстановления польской государственности. Исходя из своего понимания «реализма», она была готова пойти ради этого на компромисс с державами, участвовавшими в разделах, — надеясь достигнуть соглашения с Пруссией и/или Австрией за счет Российской империи. Или в отличие от старой Централизации (до объединительного движения середины 1840-х, во многом размывшего прежние рамки), где были сильны настроения польской исключительности, утверждения ее первенствующей роли в «славянском мире» и противопоставления «Московии».

«Объявляя войну всем угнетателям, провозглашая освобождение всех угнетенных, революция провозглашала распад всех старых государств, составленных из разнородных элементов: распад прусского государства посредством предоставления свободы его польским провинциям; распад Австрийской империи, чудовищного скопления самых противоположных национальностей; распад Турецкой империи, где каких-нибудь семьсот тысяч османов держат под своим игом население свыше 12 миллионов, состоящее из славян, валахов и греков; наконец, распад Российской империи, где, не считая небольших народцев, теряющихся в ее необъятных просторах подобно каплям воды в океане, имеются три различные крупные славянские нации: *великороссы, малороссы и польская нация*, имеющие все три совершенно различное происхождение, особую историю, равно одаренные всеми необходимыми условиями для самостоятельного существования и все три изнывающие ныне под скипетром самого жестокого из деспотов. Таким образом, объявляя войну угнетателям, революция провозглашала переделку, коренное преобразование всего Севера, всей восточной части Европы, освобождение Италии и в качестве конечной цели *всеобщую федерацию европейских республик!*» (Бакунин, 1987: 246).

В «Исповеди»², говоря о своих взглядах 1846–1847 гг., Бакунин пишет: «Целью... поставляя русскую революцию и республиканскую федерацию всех славянских земель, — основание единой и нераздельной Славянской республики, федеративной только в административном, центральной же в политическом отношении» (Бакунин, 1990: 269), а затем, описывая свою деятельность на Пражском съезде (1848) и давая автокомментарий к статье «Основы славянской политики» (Бакунин, 1896: 364–368), уточняет: проект

«был составлен в демократическом духе... он оставлял много простору национальным и политическим различиям во всем, что касалось административного управления, полагая, впрочем, и тут некоторые основные определения, общие и обязательные для всех; но... во всем касавшемся внутренней, как и внешней, политики, власть была перенесена и сосредоточена в руках центрального правительства. Таким образом, и поляки и чехи должны были исчезнуть со всеми своекорыстными и самолюбивыми притязаниями в общем славянском союзе» (Бакунин, 1990: 291).

Обращение к тексту самого проекта позволяет конкретизировать, каким образом в это время Бакунин разграничивал «политическое» от «административного»: согласно его представлениям, общий «Славянский совет» (*Rada Slowenská*) «руководит всем славянским народом как первая власть и высший суд; все обязаны подчиняться его приказаниям и выполнять его решения. <...> Славянские народы, которые хотят составить часть федерации, должны отказаться вполне от своего государственного значения и передать его непосредственно в руки Совета

2. Об обстоятельствах создания «Исповеди» см.: Бакунин, 1921; Щеголев, 1990; Борисёнок, 2001: 33–37, и приведенную в примечаниях к последней работе библиографию по теме.

и не должны искать себе особенного величия иначе как в развитии своего счастья и свободы» (Бакунин, 1896: 366–367). Совету принадлежит исключительно «право объявлять войну иностранным державам», а «внутренняя война между славянскими племенами должна быть запрещена как позор, как братоубийство. Если бы возникли несогласия между славянскими народами, то они должны быть устранены Советом и его решение должно быть приведено в исполнение как священное», равным образом особо оговаривается монополия Совета на внешнюю политику, правда, в несколько неясных выражениях³ (Там же: 367).

К области «администрации», следуя разграничению, проведенному в «Исповеди», проект относит выбор «каждым народом» «такого правления, какое соответствует его обычаям, потребностям и его обстоятельствам», ограниченное, однако, базовыми принципами (Там же: 367–368):

1) «равенство всех, свобода всех и братская любовь», причем «свобода» в дальнейшем специально конкретизируется как отмена любого «подданства (крепостной зависимости)», а равенство — как отмена сословий;

2) доступ каждого члена народа ко владению народом, т. е. право на землю и вытекающие из владения обязанности: «На великом и благословенном пространстве, которое заняли славянские племена, есть довольно места для всех, поэтому каждый должен иметь часть во владении народа и быть полезным всем»;

3) свободного выбора места жительства для каждого члена Союза.

Совет Союза наделялся правом, и на него возлагалась обязанность «смотреть за тем, чтобы эти принципы свято соблюдались и точно исполнялись во внутренних учреждениях всех народов, которые составляют союз. Он имеет право и обязанность вмешательства, если эти принципы будут уничтожены каким-либо постановлением, и всякий славянин имеет право обращаться к Совету против несправедливого действия своего отдельного правительства» (Там же: 368).

Уже в этом тексте примечательно отсутствие принципа разделения властей — Совет оказывается и властью судебной (к которому граждане союза вправе обращаться, отстаивая свои права от несправедливости низших властей), и властью исполнительной и законодательной. Это согласуется с идеей диктатуры, отстаивавшейся в эти и последующие годы Бакуниным. В Петропавловской крепости в 1851 г., обращаясь к Николаю I, он утверждал:

«Я желал республики. Но какой республики? Не парламентской. Представительное правление, конституционные формы, парламентская аристократия и так называемый эклибр властей, в котором все действующие силы так хитро расположены, что ни одна действовать не может, одним словом, весь этот узкий, хитросплетенный и бесхарактерный политический катехизис западных либералов никогда не был предметом ни моего обожания, ни моего сердечного участия, ни даже моего уважения; и в это время я стал презирать его

3. «Никакое славянское племя не может заключать союза с чужими народами; это право исключительно предоставлено Совету; никто не может отдать в распоряжение чужому народу или чужой политике славянское ополчение» (Бакунин, 1896: 367).

еще более, видя плоды парламентских форм во Франции, в Германии, даже на славянском конгрессе. <...> К тому же русский парламент, да и польский также, был бы только составлен из дворян, в русский могло бы еще войти купечество — огромная же масса народа, тот настоящий народ, оплот и сила России, в котором заключается ее жизнь и вся ее будущность, народ, думал я, остался бы без представителей и был бы притеснен и обижен тем же самым дворянством, которое теснит его ныне. *Я думаю, что в России более чем где будет необходима сильная диктаторская власть* [выделено нами. — А.Т.], которая бы исключительно занялась возвышением и просвещением народных масс: власть свободная по направлению и духу, но без парламентских форм; с печатанием книг свободного содержания, но без свободы книгопечатания; окруженная единомыслящими, освещенная их советом, укрепленная их вольным содействием, но не ограниченная никем и ничем. Я говорил себе, что вся разница между таким диктаторством и между монархической властью будет состоять в том, что первое, по духу своего установления, должно стремиться к тому, чтоб сделать свое существование как можно скорее ненужным, имея в виду только свободу, самостоятельность и постепенную возмужалость народа; в то время как монархическая власть должна, напротив, стараться о том, чтоб существование ее не переставало бы никогда быть необходимым, и потому должна содержать своих подданных в неизменном детстве» (Бакунин, 1990: 303–304).

Идея революционной диктатуры окажется одной из устойчивых в интеллектуальном арсенале Бакунина. В письме к А. И. Герцену и Н. П. Огареву из Иркутска от 7 ноября 1860 г., посвященном защите гр. Н. Н. Муравьева-Амурского⁴ от обвинений, помещенных в «Колоколе», Бакунин, стремясь наилучшим образом охарактеризовать своего героя, приписывает ему явно свои собственные идеи и ожидания:

«Вот его политическая программа: Он хочет безусловного и полного освобождения крестьян с землею, гласного судопроизводства с присяжными, безысключительного [sic!] подчинения такому суду всех лиц частных и служебных, от малого до великого, безусловной неограниченной печатной гласности, уничтожения сословий, народного самоуправления и народных школ на широкую ногу. В высшей административной сфере он желает следующих реформ: во-первых, уничтожения министерств; (он отъявленный враг бюрократии, друг жизни и дела) — и на первых порах не конституции и не болтливому дворянскому парламенту, а временной железной диктатуры, под каким бы то ни было именем, а для достижения этой цели совершенного уничтожения Николаевского, пожалуй и Александровского вольноотпущен-

4. Отец гр. Николая Николаевича Муравьева-Амурского Николай Назарович приходился матери Бакунина Варваре Александровне дальним родственником. Он женился на ее кузине Екатерине Николаевне Мордвиновой, и в дальнейшем между двумя семьями поддерживались «близкие родственные и дружественные отношения» (Корнилов, 1915: 13; о знакомстве молодого Бакунина с семейством Муравьевых: Там же: 56–62). Встретившись со своим троюродным братом в Томске в 1858 г., возвращаясь из Петербурга в Иркутск, Муравьев взял его под свое покровительство и в дальнейшем содействовал переводу Бакунина в Восточно-Сибирскую ссылку, где своей властью сильно облегчил его положение (Демин, 2006: 169–174).

ного петербургского лакейства. Он не верит не только в московских и петербургских бояр, но и в дворян вообще, как в сословие, и называет их блудными сынами России. Вообще он питает одинаковое и вполне заслуженное презрение ко всем привилегированным, или, как он их называет, ко всем несекомым сословиям, не верит в публику и верит только в секомый народ, его любит, в нем единственно видит будущность России. — Он не ждет добра от дворянско-бюрократического решения крестьянского вопроса, он надеется, что крестьянский топор вразумит Петербург и сделает в нем возможною ту разумную диктатуру, которая, по его убеждению, одна только может спасти Россию, погибающую ныне в грязи, в воровстве, в взаимном притеснении, в бесплодной болтовне и в пошлости. — Диктатура кажется ему необходимою и для того, чтобы восстановить силу России в Европе, а силу эту хотелось бы ему прежде всего направить против Австрии и Турции, для освобождения Славян и для установления не единой панславистической монархии, но вольной, хотя и крепко соединенной Славянской Федерации. Он друг Венгерцев, друг Поляков, и убежден, что первым шагом русской внешней разумной политики должно быть восстановление и освобождение Польши. Нравится Вам эта программа?» (Бакунин, 1896: 5–6).

В «Исповеди», говоря о цели своего проекта и деятельности на Пражском съезде, Бакунин писал:

«Признаюсь, Государь, что, подавая такой проект славянскому конгрессу, я имел в виду совершенное разрушение Австрийской империи, разрушение в обоих случаях: в случае принужденного согласия, а также и в случае отказа, который бы привел династию в гибельную коллизию с славянами... В славянском же союзе я видел, напротив, отечество еще шире, в котором, лишь бы только Россия к нему присоединилась, и поляки и чехи должны бы были уступить ей первое место. <...> Мои фантазии простирались и далее; я думал, я надеялся, что мажиарская нация, принужденная обстоятельствами, уединенным положением посреди славянских племен, а также и своей более восточной, чем западной, природой, что все молдавы и валахи, наконец, даже и Греция войдут в славянский союз и что таким образом созиждется единое вольное восточное государство и как бы восточный возродившийся мир, в противоположность западному, хоть и не во вражде с оным, и что столицей его будет Константинополь» (Бакунин, 1990: 292, 302).

Наряду с подобными всеохватными планами Бакунин постоянно мыслит федерацию как способ преодоления «централизации», образования нового, свободного объединения народов:

«Я спрашивал себя также: „Какая польза России в ее завоеваниях? <...> Но русская или, вернее, великороссийская национальность должна ли и может ли быть национальностью целого мира? Может ли Западная Европа когда-либо] сделаться русской языком, душой, сердцем? Могут ли даже все славянские племена сделаться русскими? Позабывать свой язык — которого сама Малороссия не могла еще позабыть, — свою литературу, свое родное про-

свещение, свой теплый дом, одним словом, для того, чтоб совершенно потяться и „слиться в русском море“, по выражению Пушкина? Что приобретут они, что приобретет сама Россия через такое насильственное смещение? Они то же, что приобрела Белоруссия вследствие долгого подданства у Польши: совершенное истощение и поглупление народа. А Россия? Россия должна будет носить на плечах своих всю тяжесть сей необъятной, многосложной насильственной централизации [выделено нами. — А.Т.]. Россия делается ненавистна всем прочим славянам так, как она теперь ненавистна полякам; будет не освободительницей, а притеснительницей родной славянской семьи; их врагом против воли на счет собственного благоденствия и на счет своей собственной свободы, — и кончит наконец тем, что, ненавидимая всеми, сама себя возненавидит, не найдя в своих принужденных победах ничего, кроме мучений и рабства! Убьет славян, убьет и себя! Таков ли должен быть конец едва только что начинающейся славянской жизни и славянской истории?» (Там же: 300–301).

Подобное понимание «панславизма» и отстаивание своей непричастности данному направлению⁵ останется свойственным Бакунину до конца его дней — так, в 1873 г. он утверждал:

«Мы столько же отъявленные враги панславизма, сколько и пангерманизма... считаем священной и неотлагаемую обязанностью для русской революционной молодежи противодействовать всеми силами и всевозможными средствами панславистической пропаганде, производимой в России и главным образом в славянских землях правительственными официальными и вольнославянофильствующими или официальными русскими агентами; они стараются уверить несчастных славян, что петербургский славянский царь, проникнутый горячею отеческою любовью к славянским братьям, и подлая народоненавистная и народогубительная всероссийская империя, задушившая Малороссию и Польшу, а последнюю даже продала частью немцам, могут и хотят освободить славянские страны от немецкого ига, и это в то самое время, когда петербургский кабинет явным образом продает и предает всю Богемию с Моравией князю Бисмарку в вознаграждение за обещанную помощь на Востоке» (Бакунин, 1989 [1873]: 328, прим. 1).

Мы видим, что позволяло германским публицистам обвинять Бакунина в панславизме и одновременно ему давало основание считать эти обвинения клеветой — на взгляд Бакунина, Российская империя не только принципиально не способна освободить славянские народы, пока существует, но и, напротив, стремясь к достижению своих политических целей, вынуждена предавать те или иные из них или их части германскому или венгерскому владычеству. Шестью годами ранее в

5. Отметим, что Бакунин сохранил понимание «панславизма», свойственное времени возникновения данного понятия — как известно, термин «панславизм» появился в 1840–1841 гг. в ходе венгеро-словацкой полемики и понимался в первую очередь как обозначение гегемонистских притязаний Российской империи на славянские народы (Волков, 1969).

В «Программе славянской секции в Цюрихе» Бакунин дает следующее определение «панславизма» — программа «освобождения народов при помощи русской империи» (Бакунин, 1989 [1972]: 524).

«Ответе Бакунина Герцену», опубликованному в недолговечной неаполитанской газете радикалов-демократов «Libertà e Giustizia», он утверждал:

«Для наших братьев-славян я больше всего боюсь именно этого традиционного для нашей империи обмана. Русское правительство, чинящее жестокую расправу внутри страны, за ее пределами всегда проявляет чрезвычайное лицемерие, сбрасывая маску лишь тогда, когда полагает, что может безопасно для себя действовать с привычной и присущей ему жестокостью. Польша и Малороссия, страны преимущественно славянские, имеют уже некоторое представление об этой жестокости! Я боюсь, что славяне подвергнутся уничительному, деморализующему и потому пагубному воздействию этого правительства, способному уничтожить самую сущность жизни и будущность славянства; так что я всегда считал, что лучше нашим братьям потерпеть еще некоторое время от варварского гнета турок и цивилизаторского притеснения немцев, чем быть спасенными царями. Безмерно тяжелое, страшное покровительство царизма могло бы убить в них то, что никогда не удавалось убить ни туркам, ни немцам, — славянскую душу, славянские языки и обычаи, их природную свободу, общинные и областные вольности, их традиционный социализм, ту экономическую солидарность, которая никогда не исключает из права пользования землей, их прекрасное славянское братство...» (Бакунин, 1985: 408–409).

Формирование нового понимания государства и, соответственно, федерализма проходило у Бакунина стремительно — показательно, что в тексте 1867 г. «Федерализм, социализм и антитеологизм» можно на протяжении сотни страниц обнаружить существенное изменение позиции. Бакунин начинает данную работу с краткой сводки тезисов, опирающихся на положения «Старого режима и революции» А. де Токвиля:

«Мы убеждены, что если Франция дважды теряла свободу, а демократическая республика там превращалась в военную диктатуру⁶, то в этом повинен не характер народа, а ее *политическая централизация*. Централизация эта, издавна подготовленная французскими королями и государственными людьми, воплотившаяся позже в человеке, названном льстивой французской риторикой Великим Королем⁷, затем повергнутая в бездну позорными деяниями одряхлевшей монархии⁸, конечно, погибла бы в грязи, если бы Революция не подняла ее своей могучей рукой. Да, странная вещь эта великая революция, впервые в истории провозгласившая свободу не только гражданина, но и человека: став наследницей монархии, которую она убила, она

6. Имеются в виду I и II Империи Наполеона I (1804–1814, 1815) и Наполеона III (1852–1870) соответственно.

7. Т. е. Людовик XIV (1638–1715, король Франции и Наварры с 1643, самостоятельное правление с 1661).

8. Имеется в виду расхожий образ положения дел во Франции во времена Регентства (1715–1723) и в период царствования Людовика XV (1710–1774, король Франции и Наварры с 1715) с объявления его совершеннолетним в 1723 г.

воскресила в то же время отрицание всякой свободы — *централизацию и всемогущество Государства*» (Бакунин, 1989 [1867]: 16–17).

Из этого тезиса Бакунин выводит противопоставление принципа Государства «принципу Федерализма», прямо связывая его с американским опытом как опытом реализованной свободы:

«...для того, чтобы спасти в Европе свободу и мир, мы должны противопоставить этой чудовищной и подавляющей централизации военных, бюрократических, деспотических, конституционно-монархических и даже республиканских государств великий, спасительный *принцип Федерализма*, принцип, чье блистательное проявление явили нам между прочим последние события в Соединенных Штатах Северной Америки.

С этих пор для всех истинно желающих освобождения Европы должно быть ясно, что, сохраняя все свои симпатии к великим социалистическим и гуманистическим идеям, провозглашенным Французской Революцией, мы должны отбросить ее политику Государства и решительным образом воспринять североамериканскую политику свободы» (Там же: 17).

Отсылая к принципам федерализма, сформулированным Прудонем в одноименной книге, вышедшей в 1863 г.⁹, Бакунин настаивает: «Без сомнения, такая политическая организация или, лучше сказать, такое уменьшение политической деятельности в пользу свободы общественной жизни было бы для общества великим благодеянием, хотя оно несколько не удовлетворило бы приверженцев государства. Им непременно нужно государство-провидение, государство-руководитель общественной жизни, податель справедливости и регулятор общественного порядка» (Там же: 104).

Надлежит «направлять все свои усилия к переустройству своих отечеств, дабы заменить старую организацию, основанную сверху донизу на насилии и авторитарном принципе, новой организацией, не имеющей иного основания, кроме интересов, потребностей и естественных влечений населения, ни иного принципа, помимо свободной федерации индивидов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные Штаты сперва Европы,

9. Прудон писал: «До сегодняшнего дня Федерализм вызывает в сознании только идеи распада: он не понят нашей эпохой как политическая система.

А) Группы, которые составляют конфедерацию, то, что называют в другом случае государством, суть сами по себе государства, самоуправляющиеся, самосудные и самоадминистрирующиеся во всех суверенитетах в соответствии со своими собственными законами.

Б) Для объединения в конфедерацию предполагается договор с взаимными гарантиями.

В) В каждом государстве, вступающем в конфедерацию, правительство организовано по принципу разделения властей: равенство перед законом и всеобщее голосование лежат в его основе.

Вот вся система. В конфедерации политическое тело формируют не индивиды, граждане или предметы; это группы, данные априори природой, и, следовательно, величина большинства не превышает население, проживающее на территории в несколько квадратных лье. Эти группы сами по себе — маленькие государства, демократично организованные под защитой федерации, единицы которых — главы семей или граждане» (цит. по: Шубин, 2007: 186–187).

а затем всего мира» (Там же: 19); «право свободного присоединения, и равно свободного отделения, есть первое и самое важное из всех политических прав, без которого конфедерация всегда будет лишь замаскированной централизацией» (Там же: 20). Уже на этом уровне возникает вопрос относительно Соединенных Штатов Америки, только что вышедших из гражданской войны, когда южные штаты пытались воспользоваться своим правом на отделение, — но Бакунин еще находит выход из положения, утверждая: «Внутреннее политическое устройство Южных Штатов было даже во многих отношениях более совершенным, являло собой большую свободу, чем устройство Северных Штатов. Только в этом устройстве было одно черное пятно, как и в республиках древнего мира: свобода гражданина была основана на насильственном труде рабов. Этого черного пятна было достаточно, чтобы прекратить всякое политическое существование этих Штатов» (Там же: 22). Однако далее он уже утверждает нечто, в корне меняющее исходные тезисы: «...что мы наблюдаем во всех государствах прошлого и настоящего, даже если они наделены самыми демократическими институтами, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки и Швейцария? Self-government¹⁰ масс, несмотря на весь аппарат народного всемогущества, является там по большей части только видимостью. В действительности правит меньшинство» (Там же: 105; ср.: Там же [1873]: 320).

Проблема теперь не в том, кто формирует аппарат управления, а в автономной логике власти — Бакунин со всей определенностью видит врага не в конкретной власти (в «деспотических правлениях», с которыми он боролся в конце 1840-х и вновь стремился сражаться в начале 1860-х), а во власти как таковой. В 1869 г. он пишет:

«Правительство, не злоупотребляющее своей властью, не притеснительное, не лицепрятное и не ворующее, действующее только в смысле общесловных интересов и не забывающее их очень часто в заботе об исключительном удовлетворении лиц, стоящих во главе его, — такое правительство — это квадратура круга, идеал недостижимый, потому что противный человеческой природе. А природа человека, всякого человека, каковая, что дайте ему власть над собою, он вас притеснит непременно, поставьте его в положение исключительное, вырвите его из равенства, он сделается негодяем. Равенство и безвластие — вот единственные условия нравственности для всего человека. Возьмите самого яростного революционера и посадите его на всероссийский престол или дайте ему власть диктаторскую, о которой так много мечтают наши зеленые революционеры, и он через год сделается хуже самого Александра Николаевича» (Бакунин, 1989: 165–166).

А в своей последней объемной работе — «Государственности и анархии» Бакунин дает известную формулировку: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или ма-

10. Напомним, что Прудон настаивал на переводе «анархии» на английский как «self-government».

скированного, немислимо — вот почему мы враги государства» (Бакунин, 1989 [1873]: 482). Здесь Бакунин приходит к тезису, что всякое государство является системой господства, воспроизводством неравенства — при этом формы такого неравенства могут быть различны, но это не меняет сущности. В записке, подготовленной Бакуниным в декабре 1849 — апреле 1850 г. для своего адвоката Ф. Отто, защищавшего его на процессе в Саксонии, говорится:

«Просвещение XVIII века, порожденная им Великая французская революция, а позднее победы Наполеона пробудили наконец народы от их гибельного сна. Они проснулись к новой жизни, к самостоятельности, к свободе, к нравственности; повсюду дали себя почувствовать новые запросы, новые потребности; родился новый мир, мир человеческого самосознания, человеческого достоинства, короче сказать, родилось само человечество в самом священном и глубоком смысле этого слова, величайшая и единственная цель всякого общежития и всей истории. До того народы были разделены, часто восстановлены и враждебно настроены друг к другу благодаря нелепым и искусственно привитым предрассудкам. Теперь они почувствовали потребность во взаимном сближении; правильный инстинкт подсказал им, что великая цель их освобождения, их очеловечивания, к которой они все стремятся, может быть достигнута только объединением всех сил. Так постепенно сложилось общеевропейское движение, которое... незримо, но мощно сплотило все враждебные народы в один великий нераздельный организм и постепенно создало среди них ту солидарность, которая составляет характернейший признак, основную черту новейшей истории. Вы догадываетесь, сударь, что я имею в виду *либерализм*, который я прошу не смешивать с либерализмом нашего времени, так как последний представляет лишь безжизненный труп первого» (Бакунин, 1987 [1850]: 249–250).

Если вспомнить классическое противопоставление «свободы древних» и «свободы новых» Бенжамена Констана, то, соглашаясь, что в современной оптике «свобода древних» не будет свободой, Бакунин теперь настаивает, что «свобода новых» недостижима в государстве как таковом — либеральный принцип «минимального правительства» и аналогичной минимизации политики оказывается противоположным происходящему, наступлению централизации и бюрократизации. Германия после Франции стала государством *par excellence*. Сразу же после победы Пруссии в 1870 г. и перед готовящимся провозглашением Германской империи Бакунин пишет о немецком либерализме и радикализме:

«Эти достопочтенные патриоты преследовали две цели, две противоположные тенденции: одну из них было всемогущее национальное единство, другую — свобода. Желая примирить эти две несогласуемые цели, они долго парализовали одну другой до тех пор, пока, наконец, на опыте не убедились в невозможности их согласовать и не решились на опыте пожертвовать одной ради другой. И вот таким образом на развалинах не свободы — свободны они не были никогда, — на их либеральных мечтаниях они готовятся теперь воздвигнуть великую Пруско-германскую империю. Отныне они, по их соб-

ственному признанию, *свободно* создадут сильную нацию, могущественное государство и рабский народ» (Бакунин, 1989 [1870]: 265).

Германия является воплощением государственного принципа, и успех Пруссии в деле объединения закономерен:

«Уже со времен Фридриха II, когда вся остальная Германия, дошедшая до крайней степени умственного и нравственного порабощения, была жертвою бесцеремонного, нахального и цинического управления, интриг и грабительства развратных дворов, в Пруссии был осуществлен идеал порядочной, честной и по возможности справедливой администрации. Там был только один деспот, правда, неумолимый, ужасный — государственный разум или логика государственной пользы, которой решительно все приносилось в жертву и перед которою должно было преклоняться всякое право. Но зато там было гораздо менее личного, развратного произвола, чем во всех других немецких государствах. Прусский подданный был рабом государства, олицетворявшегося в особе короля, но не игрушкой его двора, любовниц или временщиков, как в остальной Германии. Поэтому уже тогда вся Германия смотрела на Пруссию с особенным уважением» (Бакунин, 1989 [1873]: 410).

Итак, Бакунин в ходе своей интеллектуальной эволюции вкладывает два принципиально разных содержания в понятие «федерализм»:

а) до середины 1860-х речь идет о форме государственного устройства, в первую очередь о возможной форме организации больших пространств, когда он пишет о «славянской» или «европейской федерации»;

б) к концу 1860-х годов, по мере оформления собственно анархической концепции, «федерация» противопоставляется «государству» как таковому, а не, например, «деспотическому». Теперь уже само начало «государственности» понимается как зло, нечто несовместимое со свободой — и «федерация» выступает как иной, альтернативный принцип социальной организации, свободный от «власти». Цель формулируется как «разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов — организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира» (Там же: 503).

При этом связующей нитью между двумя этими пониманиями становится отсылка к реально-историческому опыту Швейцарской федерации и Соединенных Штатов Америки. Несмотря на нарастающий критицизм по отношению к названным образованиям, они остаются конкретными примерами, к которым отсылает Бакунин, одновременно фиксируя нарастание в них «централизаторских» тенденций, что для него синонимично «государственным» (Там же: 320).

В рамках его понимания перспектива «всемирной» революции оказывается единственно приемлемой, поскольку любое локальное изменение, оставаясь локальным, логикой ситуации окажется вынужденным трансформироваться в направлении «государственности» (см.: Бакунин, 1989 [1873]: 328–330). В «Государ-

ственности и анархии» (1873) выясняется, что логика большой политики приводит не только к неосуществимости федералистского идеала без изменения мирового (на тот момент фактически тождественного европейскому) порядка. В равной мере неосуществим и идеал «национального государства» для славянских народов — требование «суверенизации» несовместимо с новыми имперскими реалиями, Германская империя закрывает возможности даже для иллюзии «независимых государств», предлагая альтернативу либо включения в пространство германского влияния и германизации, либо «панславизма». Правда, реальность последнего Бакунин отвергает по причине слабости Российской империи, не имеющей возможности успешно конкурировать за Центральную Европу, вынужденную искать возможности внешнеполитической экспансии вне столкновения с новым Германским рейхом. Тем самым противостояние Германской империи предстает для Бакунина противостоянием «государству» как таковому: «Славяне должны искать и могут завоевать свое право и место в истории и в братском союзе народов только путем Социальной Революции... Но Социальная революция не может быть одинокою революциею одного народа...» (Бакунин, 1989 [1873]: 342). Общая логика ведет в направлении «чистой социальности», вынуждая говорить «о мировом обществе» (Филиппов, 2014: 16), только конкретно-исторический путь рассуждений Бакунина оказывается обратным реконструируемому — попытка помыслить «чистую социальность» вне политического означает невозможность государства и приводит к «мировому обществу».

Но логика политического действия берет свое, отвергнув всякую власть как зло (Бакунин, 1989 [1869]: 166–167), Бакунин вынужден вновь вернуться к разграничениям. В последнем письме к С. Г. Нечаеву, в котором он порывает с ним (впрочем, предоставляя возможность соглашения на своих условиях), Бакунин в июне 1870 г., настаивая, что «кто хочет навязать народу свою программу, тот сам останется в дураках» (Житомирская, Пирумова, 1985: 509), тем не менее приходит к построению тайной революционной организации (которые он создавал на протяжении всей своей жизни, зачастую одну образуя внутри другой). Он вынужден разграничивать «власть» на 1) «официальную», в том числе «публично признанную диктатуру», и 2) «невидимую», «никем не признанную» и «никому не навязываемую силою», власть убеждения и власть тайного общества, власть, «которая будет именно тем могущественнее, чем более она останется незримою и непризнанною, чем более она будет лишена всякого официального права и значения» — «коллективная диктатурная организация» (Там же: 511).

Литература

Бакунин М. А. (1896). Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Genève: Georg et Co libraires éditeurs.

- Бакунин М. А.* (1921). Исповедь и Письмо Александру П. М.: Государственное издательство.
- Бакунин М. А.* (1985). Открытое письмо М. А. Бакунина к Герцену // Герцен и Запад / Отв. ред. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский. М.: Наука.
- Бакунин М. А.* (1987). Избранные философские сочинения и письма / Ред. В. Ф. Пустарнаков. М.: Мысль.
- Бакунин М. А.* (1989). Философия. Социология. Политика / Сост. В. Ф. Пустарнакова. М.: Правда.
- Бакунин М. А.* (1990). Исповедь // Алексеевский рavelин: секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Кн. I / Сост. А. А. Матышев. Л.: Лениздат. С. 250–356.
- Борисёнок Ю. А.* (2001). Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М.: РОССПЭН.
- Волков В. К.* (1969). К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения / Отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука. С. 25–69.
- Герцен А. И.* (1958). Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 14: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов. М.: Изд-во АН СССР.
- Демин В. Н.* (2006). Бакунин. М.: Молодая гвардия.
- Драгоманов М. П.* (1883). Историческая Польша и великорусская демократия. Женева.
- Житомирская С. В., Пирумова Н. М.* (1985). Огарев, Бакунин и Н. А. Герцен-дочь в «нечаевской» истории // Герцен и Запад / Отв. ред. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский. М.: Наука.
- Корнилов А. А.* (1915). Молодые годы Михаила Бакунина: из истории русского романтизма. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Костомаров Н. И.* (1861). Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Основа. 1861. № 1. С. 121–158.
- Ламартин А. де.* (2013). История жирондистов. М.: Захаров.
- Нольде Б. Э.* (1911). Очерки Русского государственного права. СПб.: Типография «Правда».
- Филиппов А. Ф.* (2014). Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 1 / Под общ. ред. С. П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль.
- Чичерин Б. Н.* (1862). Несколько современных вопросов. М.: Типография В. Грачева и Ко.
- Шубин А. В.* (2007). Социализм: «золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение.
- Щеголев П. Е.* (1990). М. А. Бакунин в рavelине // Алексеевский рavelин: секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Кн. I / Сост. А. А. Матышев. Л.: Лениздат. С. 189–249.
- Скельчик С.* (2010). Українофіли: світ українських патріотів другої половини XIX століття. Київ: КІС.

On the Concept of “Federalism” in Socio-Political Theories of Mikhail Bakunin

Andrey Teslya

Associate Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific National University

Address: Tihookeanskaya Str., 136, Khabarovsk, Russian Federation 680035

E-mail: mestr81@gmail.com

Mikhail Bakunin (1814–1876) is considered one of the founders of international anarchism and theoreticians of federalism. This paper explores the transformations of the concept of “federalism” in Bakunin’s works from the end of the 1840s until the last years of his life. According to the conventional understanding of the evolution of Bakunin’s ideas, a crucial shift of theoretical views took place in the second half of the 1860s. During the first years of his participation in the revolutionary European movement, Bakunin expressed radical views and was predisposed to direct actions. By the middle of 1860s, he stayed within a broad conceptual framework of European radicalism, and understood federalism as a principle of self-administration and as a form of state system like in the USA or in the Swiss Confederacy. However, by the end of the 1860s, Bakunin shifted to a drastically new understanding of the state. He implicitly narrowed it down to the framework of modernity and identified it with the bureaucratic apparatus. Bakunin also claimed that every form of the state is a form of domination, production, and reproduction of inequality. Bakunin decided that there is principal inconsistency between the concepts of “freedom” and “state,” and argued for the destruction of the latter for the achievement of the former. At that moment, “federalism” was opposite to the state. It called for the destruction of the state apparatus as a system of dominance, and was a political form of socialism and the anarchic community. On the next step of his evolution, Bakunin introduced (but didn’t elaborate) the distinction of two types of power: formalized (i.e. official) and unformalized.

Keywords: anarchism, power, Pan-Slavism, political power, federalism, Mikhail Bakunin

References

- Bakunin M. (1896) Pis'ma M.A. Bakunina k A.I. Gercenu i N.P. Ogarevu [M. Bakunin’s Letters to A. Herzen and N. Ogarev] (ed. M. Dragomanov), Genève: Georg et Co. Libraires éditeurs.
- Bakunin M. (1921) Ispoved' i Pis'mo Aleksandru II [The Confession and Letter to Alexander II] (ed. V. Polonsky), Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Bakunin M. (1985) Otkrytoe pis'mo M. A. Bakunina k Gercenu [Open Letter by M. Bakunin to Herzen]. *Herzen and the West* (eds. S. Makashin, L. Lansky), Moscow: Nauka.
- Bakunin M. (1989) *Filosofija. Sociologija. Politika* [Philosophy. Sociology. Politics] (ed. V. Pustarnakov), Moscow: Pravda.
- Bakunin M. (1987) *Izbrannye filosofskie sochinenija i pis'ma* [Collected Philosophical Works and Letters] (ed. V. Pustarnakov), Moscow: Mysl'.
- Bakunin M. (1990) Ispoved' [The Confession]. *Alekseevskij ravelin: sekretnaja gosudarstvennaja tjur'ma Rossii v XIX veke. Kniga 1* [The Alexei Ravelin: Secret Russian State Prison in the 19th Century, Vol. 1] (ed. A. Matyshev), Leningrad: Lenizdat, pp. 250–356.
- Borisjonok Y. (2001) *Mikhail Bakunin i “pol'skaja intriga”: 1840-e gody* [Mikhail Bakunin and “the Polish Intrigue”, 1840s], Moscow: ROSSPEN.
- Chicherin B. (1862) *Neskol'ko sovremennyh voprosov* [Some Contemporary Questions], Moscow: Tipographia V. Gracheva i Ko.
- Demin V. (2006) *Bakunin*, Moscow: Molodaja gvardija.
- Dragomanov M. (1883) *Istoricheskaja Pol'sha i velikorusskaja demokratija* [Historical Poland and The Great Russian Democracy], Geneva.
- Filippov A. (2014) *Sociologia: nabljudenija, opyty, perspektivy. Tom 1* [Sociologia: Observations, Experiments, Perspectives, Vol. 1] (ed. S. Bankovskaja), Saint Petersburg: Vladimir Dal'.

- Herzen A. (1958) *Sobranie sochinenij v 30-ti t. T. XIV: Stat'i iz «Kolokola» i drugie proizvedenija 1859–1860 godov* [Collected Works, Vol. 14: Papers from “The Bell” and Other Works, 1859–1860], Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Kornilov A. (1915) *Molodye gody Mikhaila Bakunina: Iz istorii russkogo romantizma* [The Early Years of Mikhail Bakunin: From the History of Russian Romanticism], Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh.
- Kostomarov N. (1861) Mysli o federativnom nachale v Drevnej Rusi [Thoughts on the Federative Origin in Ancient Rus']. *Osnova*, no 1, pp. 121–158.
- Lamartine A. de (2013) *Istorija zhirondistov* [History of the Girondists], Moscow: Zaharov.
- Nolde B. (1911) *Ocherki Russkogo gosudarstvennogo prava* [Outlines of Russian State Right], Saint Petersburg: Pravda.
- Shubin A. (2007) Socializm: “zolotoj vek” teorii [Socialism: “The Golden Age” of the Theory], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Schegolev P. (1990) M.A. Bakunin v raveline [M. Bakunin in the Ravelin]. *Alekseevskij ravelin: sekretnaja gosudarstvennaja tjur'ma Rossii v XIX veke. Kniga 1* [The Alexei Ravelin: Secret Russian State Prison in the 19th Century, Vol. 1] (ed. A. Matyshev), Leningrad: Lenizdat, pp. 189–249.
- Volkov V. (1969) K voprosu o proishozhdenii terminov “pangermanizm” i “panslavizm” [On the Question of the Origins of Terms “Pan-Germanism” and “Pan-Slavism”]. *Slavjano-germanskie kul'turnye svjazi i itnoshenija* [Slavic-German Cultural Relations] (ed. V. Koroljuk), Moscow: Nauka, pp. 25–69.
- Yekelchik S. (2010) Ukraïnofily: svit Ukraïns'kyh patriotiv drugoi polovyny XIX stolittja [The Ukrainophiles: The World of the Ukrainian Patriots in the Second Half of the 19th Century], Kyïv: KIS.
- Zhitomirskaya S., Pirumova N. (1985) *Ogarev, Bakunin i N. Herzen-doch' v “nechaevskoj” istorii* [Ogarev, Bakunin and N. Herzen-Daughter in the “Nechaev” Case] (eds. S. Makashin, L. Lansky), Moscow: Nauka.